

РОКСИ НОКС

ГАДКИЙ УТЁНОК для Джигита

18+

Рокси Нокс

Гадкий утёнок для Джигита

«Автор»

2026

Нокс Р.

Гадкий утёнок для Джигита / Р. Нокс — «Автор», 2026

– Спасибо скажи, что уважаемый человек берёт тебя в жёны, больше ведь претендентов нет! Не вышла ты красотой, Жасмин! – кричал отец, выдавая меня замуж за старого чиновника второй женой. – Зато я умная! – плакала я в ответ. Накануне свадьбы я стояла у края скалы и, плача, смотрела вдаль. Я не собиралась прыгать! Но ненормальный джигит, случайно проезжавший мимо, решил иначе. Он сбил меня с ног, помял мои очки и получил заслуженную пощёчину. Думала, мы больше никогда не увидимся. Но этот суровый и опасный незнакомец ворвался на мою свадьбу и украл меня. Но зачем я ему? Чтобы наказать за острый язык и дерзость бесчестьем? Или...?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гадкий утёнок для Джигита

Глава 1

В нашем селении на женщин смотрят примерно так же, как на породистых кобылиц: оценивают ровность зубов, гибкость тела и способность молча носить тяжелые подносы с едой.

Моя ценность на местном «рынке невест» стремительно катилась к нулю. Что радовало меня и огорчало моего отца, который не оставлял надежды получить за меня хороший выкуп.

– Выпей чаю и перестань дрожать, как овечий хвост на ветру, – грозно произнес отец, отпивая из пузатого стакана обжигающий отвар с чабрецом.

Мы сидели в гостиной нашего просторного дома. За окном уже густели синие горные сумерки, а из кухни доносился аппетитный запах свежее выпеченного чуда с зеленью и сыром.

На полу лежали тяжелые дагестанские ковры, на стенах в полумраке блестела чеканка, но эта привычная с детства уютная обстановка сейчас казалась мне душной клеткой.

Я нервно поправила на носу тяжелую очковую оправу – мои «окуляры», как насмешливо называли их деревенские девчонки, и сжала пальцы так, что побелели костяшки.

– Папа, пожалуйста... – мой голос дрожал. – Казбеку Тарлановичу пятьдесят пять лет! У него дочь старше меня! И он берет меня *второй* женой! – выдохнула я, ощущая, как к горлу подступает жгучий комок. – Ты ведь прекрасно знаешь, зачем он это делает – чтобы днем я дохаживала его больную супругу, а по ночам развлекала его!

Отец с громким стуком опустил стакан на деревянный стол. Горячий чай всплеснулся, оставляя темное пятно на кружевной салфетке, которую мама вышивала целый месяц.

– Повышаешь голос на отца? – тихо, но так угрожающе произнес он, что у меня мурашки пробежали по спине. – Забыла, где находишься? Забыла, чей хлеб ешь?

– Я просто хочу жить, как все нормальные люди! – из глаз всё-таки брызнули слезы, обжигая щеки. Я нервно сдернула очки, вытирая их краем длинного рукава. Без них мир превратился в размытое пятно, но лицо отца я видела и так – суровое, исчерченное глубокими морщинами, непроницаемое, как эти древние скалы за нашим окном. – Я могу поехать в город, поступить в колледж и устроиться на работу...

– В город? – отец ухмыльнулся, качая головой. – Одному Всевышнему известно, чему вас там в этих университетах учат. Независимости? Спеси? Кому нужен твой диплом, Жасмин? Мужчине нужна жена, которая согреет постель, подаст ужин и родит сыновей. А не бухгалтер в юбке, который будет перечить каждому его слову!

Он поднялся с дивана, расправив широкие плечи. Отец всегда был статным мужчиной, настоящим горцем, и рядом с ним я казалась себе еще более мелкой и ничтожной.

– Посмотри на себя в зеркало, дочка, – мягче, но оттого еще более жестоко проговорил он. – Не вышла ты красотой, Жасмин. Скажи спасибо, что уважаемый человек берет тебя второй женой. Всё равно больше тебя никто не возьмет! Это твой шанс жить в богатстве, не зная нужды. У Казбека Тарлановича деньги, власть, статус. Он дарует тебе защиту. А ты мне тут про дипломы сказки рассказываешь!

Слова отца прозвучали как приговор. Они легли на плечи тяжелым булыжником, сгибая меня к самому полу. Собственный отец говорит мне в лицо, что я некрасивая! Как же больно... Ведь для родителей их дети всегда должны быть самими лучшими на свете!

– Зато я умная! – выкрикнула сквозь слезы, сжимая в кулаке дужку очков. – Зато я умная, папа! Разве этого мало?! Почему все смотрят только на лицо?! Я ведь не уродливая, я просто... просто другая!

Я всегда делала ставку на свой ум, но мало кому в наших краях нужна умная жена. Городским парням и тем покорную и бессловесную тень подавай.

– Для женщины гор – мало, – отрезал отец, поворачиваясь ко мне спиной. – Послезавтра роспись и никах. Не позорь наш род, Жасмин. Чтобы утром была готова, улыбалась и благодарила судьбу за такой роскошный подарок. Разговор окончен.

Он вышел из гостиной, тяжело печатая шаг. Тяжелая дубовая дверь хлопнула, оставляя меня в полной тишине.

Из кухни тихо выскользнула мама. Она не смотрела мне в глаза. Молча подошла, поставила передо мной тарелку с горячим чуду и так же молча погладила меня по голове своей пахнущей томатной пастой ладонью.

В нашем селе женщины привыкли беспрекословно подчиняться. Мама подчинялась всю жизнь, сначала отцу, потом мужу – и от меня ждала того же. Ей и в голову не придет отговаривать отца от ужасной затеи выдать меня за престарелого Таракановича, как я его обозвала мысленно.

– Поешь, Жасмин, – шепнула она. – Силы понадобятся. Казбек Тарланович хоть и строгий, но щедрый. Свадебное платье тебе из Турции выписал, золото подарил...

Я не могла больше этого слышать. Платье, золото? Смешно! Он покупал меня, как породистую овцу, а мой собственный отец радостно скрепил эту унизительную сделку рукопожатием. Этот Тараканович получал больше, чем отдавал – мою молодость, мой острый ум. О, как же я его ненавижу! У него даже усищи как у таракана. Мерзость, фу!

Накинув на плечи старую тёплую шаль и не глядя на еду, я выскочила на задний двор.

Ночной горный воздух обжег легкие приятной осенней свежестью. В селении уже зажигались первые огоньки, где-то вдалеке потягивали дворовые псы, а из мечети доносилось эхо затихающего вечернего азана.

В воздухе пахло дымом, сухой травой и приближающимся дождем.

Мне нужно дышать. Просто дышать, пока грудную клетку не раздавило от боли и несправедливости.

Не думая о том, как темно и опасно вокруг, я направилась по узкой тропинке за окраину села – туда, где село обрывалось живописным, скалистым плато, отвесно уходящим вниз, в сторону шумной горной реки. Это мое любимое место с детства. Куда мне еще идти в таком глубоком отчаянии, как не сюда?

Ветер на краю плато другой – кусачий, пронзительный, пахнущий диким чабрецом и мокрой хвоей. Внизу, в сотне метров под срывом, глухо шумела река, пробивающая себе путь сквозь гранитные валуны.

Я подошла к самому краю.

Носки моих туфель нависли над темной бездной.

Страшно? Нет.

Вся моя жизнь расписана по часам другими людьми: отец решал, во что мне одеваться, сколько минут в день читать и за кого выходить замуж. Но здесь, на этой верхотуре, правила устанавливала я.

Я хочу все контролировать! – пронеслась в голове дикая, отчаянная мысль.

Захочу – сделаю шаг вперед и сорвусь вниз. Не захочу – останусь на месте.

Захочу – сделаю шаг. Захочу – не сделаю!

Пусть это глупо, но это МОЙ выбор. Хоть какая-то иллюзия контроля над собственной судьбой...

Слезы текли по щекам, затекая под тяжелую оправу очков, обжигая кожу на холодном ветру. Я оплакивала себя. Оплакивала свои несостоявшиеся мечты, свой неполученный красный диплом, о котором мечтала, и свою так и не начавшуюся молодость.

Послезавтра меня отдадут потному, престарелому мужику, и я стану вещью, у которой нет права голоса. Буду выносить горшки за его лежачей женой, а по ночам этими же руками ублажать его...

О-о-о! За что мне это?

Я стояла долго, слушая гул реки и глотая соленые слезы, как вдруг...

Воздух за спиной затрясся. До слуха донесся тяжелый, быстрый топот, а в следующий миг меня сбил с ног настоящий ураган.

Удар получился такой силы, что из легких разом выбило весь воздух. Я больно грохнулась на жесткую, покрытую камнями землю. Не успела даже крикнуть, как сверху на меня обрушилась тяжелая туша.

Меня буквально погребло под мужским телом, пахнущим хвойным воздухом и дорогим парфюмом.

ХРУСЬ! – раздался мерзкий звук прямо у моего уха. И мои очки слетели, и под чьим-то тяжелым коленом разлетелись на мелкие кусочки.

– Ты совсем из ума выжила, дура?! – рыкнул прямо мне в лицо оглушительный, густой баритон. – Жить надоело?! Нашла, где счетами с жизнью сводить!

От неожиданности и боли у меня на секунду потемнело в глазах. А когда туман рассеялся, я поняла две вещи: во-первых, я ничего не вижу дальше собственного носа. А во-вторых – на мне, прижав мои запястья к траве, лежит огромный, чужой мужчина!

Моя трагедия моментально испарилась, уступив место бешеному, праведному гневу. Я приличная девушка, а не какая-то шармута, чтобы позволять какому-то мужлану меня оседлать, как кобылу!

– Ты что несешь, идиот?! – визгливо выдохнула я, пытаюсь вырваться. – Отвали от меня! Слезь, кому говорю!

– Совсем девки в сёлах с ума посходили! – мужчина сжал мои запястья еще сильнее, и его горячее дыхание обжигало мою щеку. – Из-за какого-то дурня на скалу лезть?! Ты хоть понимаешь, что ты чуть не натворила?!

– Я ничего не сделала, недоумок! – рявкнула я и, выгадав момент, когда он немного ослабил хватку, выпростала правую руку и от всей души, со вложенной в удар обидой на весь мир, вlepила ему хлесткую пощечину.

Шмяк!

И на секунду наступила мертвая, оглушающая тишина. Я даже услышала, как бешено колотится мое собственное сердце.

Ой-ой! Что я наделала?

А пусть не переходит границы! Я защищалась!

В темноте особо не разглядеть мужских черт лица – только суровый, жесткий силуэт, широченные плечи и блеск темных, опасных глаз.

Незнакомец медленно провел ладонью по щеке, и от этого движения по моей спине пробежал липкий холодок.

– Ты... охренела? – тихо, с опасным придыханием спросил он. – Ты что, меня ударила, коза неблагодарная?

– Я тебе сейчас еще и глаза выцарапаю, если ты не снимешь с меня свою тушу, медведеподобный психопат! – выкрикнула я, упираясь ладонями в его грудь. Я ощущала плотную кожу куртки и литые мышцы под ней. Мужчина огромный, настоящий скалистый горец. – Слезь с меня немедленно! Какое право ты имеешь ко мне прикасаться?! Никакого!

– Какое право?! – он издал короткий, исполненный сарказма смешок, но все же сместил вес и пересел на пятки, давая мне возможность дышать, правда, встать так и не дал, заблокировав меня своими длинными ногами. – Да я тебя, неблагодарная ты идиотка, от смерти спас! Ты стояла на самом краю! Еще секунда – и искать бы твоим родственникам кости в реке!

– Я просто стояла! – села на землю, тяжело дыша и судорожно поправляя съехавшую шаль. Руки дрожали. Я слепо шарила вокруг себя в поисках очков, но пальцы наткнулись лишь на пластмассовые обломки и треснувшую линзу. – Боже мой... Мои очки! Ты сломал мои очки!

– Скажи спасибо, что не шею! – отрезал он, вставая. Теперь он возвышался надо мной, как темная гора. – Нормальные люди просто так не стоят на краю пятидесятиметрового обрыва в полной темноте и не ревут в три ручья!

– А нормальные люди сначала спрашивают, а не таранят девушек, как бешеные быки! – выкрикнула я, щурясь и пытаюсь разглядеть своего обидчика.

Без очков мир расплывался, но я видела, что мужчина еще молод – лет тридцати пяти. У него резкие черты лица, густые темные волосы и волевой подбородок. А еще от него веяло такой властью и уверенностью, какую я никогда не встречала у сельских парней.

Он неместный, это точно. Скакал мимо верхом на лошади, подумал, что я хочу сигануть вниз из-за несчастной любви и сбил с ног! Вот ведь дурак! Я никогда бы на такое не пошла. Мне жить нравится. В мире столько всего интересного! И сколько чудесных книг еще мною не прочитано. Не-ет, я умирать не хочу!

– Чего-о? – переспросил он, искренне изумляясь моей дерзости. Ему явно никто и никогда так не грубил. – Ты кого быком назвала, коза деревенская?

– А кто ты тогда?! – я поднялась на ноги, хотя колени ужасно дрожали. Поправила длинную юбку и посмотрела на него снизу вверх, на расплывающийся силуэт. – Вломился, испортил мне вечер, раздавил мои любимые очки, помял меня всей своей тушей – и еще ждешь благодарности?! Уходи отсюда немедленно, пока нас никто не заметил!

Я вскочила на ноги и... мамочки... Он, оказывается, выше меня головы на две. Широкие плечи полностью перекрывали вид на луну. Не с тем ты связалась, Жасмин, ой не с тем...

– Острая на язык девчонка, – тихо произнес он. Я невольно сделала шаг назад, но он тут же перехватил меня за локоть – жестко и властно, но, как ни странно, не больно. – Так и охота высыпать тебе ремнем по заднице в целях воспитания! Совсем старших не уважаешь.

– Что?! – задохнулась от такой наглости. Чтобы какой-то посторонний тип поднял на меня руку, да прям щас! – Отпусти! Мне домой пора.

– Не отпущу, пока не буду уверен, что ты снова не потащишься к краю скалы. – Где ты живешь? Отведу тебя к отцу. Пусть высыпет тебе по первое число!

При упоминании отца у меня внутри все снова сжалось в ледяной ком. Замужество со всей своей неизбежностью снова обрушилось на меня.

– Не надо меня куда вести, – мой голос резко потерял всю спесь и зазвучал тихо, надломлено. – Я сама дойду.

Наступила пауза, в которой он, кажется, впервые заметил не только дерзость, но и настоящую боль в моих глазах.

– Как тебя зовут? – неожиданно мягко спросил он.

– Не твое дело, – буркнула я, вырывая локоть. На этот раз он отпустил. – Оставь меня в покое. У меня послезавтра... свадьба. Так что мне есть чем заняться!

Я повернулась и, сильно прищуриваясь, чтобы не споткнуться в темноте об камни, побрела по тропинке обратно к селу.

На сердце горько, глаза слезились от ветра без очков, но спиной я физически ощущала тяжелый, пристальный взгляд незнакомца, который провожал меня до самых первых деревенских домов...

Глава 2

Утро встретило меня головной болью и ссадинами на локтях. Очки пришлось достать старые, с толстой черепаховой оправой.

Сидя на кровати и поджав под себя ноги, я читала любовный роман, который купила из любопытства на автовокзале в городе. Мне понравилась обложка – слившаяся в безумных объятиях пара.

Как раз дошла до того момента, как герой пылко признавался героине в любви, а потом... прижимал её к стене и страстно целовал в губы.

Щеки обожгло жгучим румянцем. Сцена по нынешним меркам более чем скромная, никаких откровенных деталей, но мое сердце почему-то пустилось вскачь.

Перед глазами вспыхнул вчерашний вечер. Запах горного ветра, жесткая кожа куртки под моими ладонями и тяжелое, горячее мужское тело, прижавшее меня к земле.

Я вспомнила его темные, опаляющие гневом глаза и этот низкий, бархатный баритон. Внизу живота сладко и незнакомо потянуло. Что это за странное, глупое томление? Я ведь даже не знаю его имени! Он просто нагрубил мне, раздавил мои очки и назвался спасителем! Но почему тогда при мысли о нем дыхание спирает?

– Жася! Жа-а-ась! Ты спишь еще, что ли?! – разорвал утреннюю тишину звонкий, как колокольчик, голос со двора.

Я вздрогнула, будто меня застучали за чем-то постыдным. Паника мгновенно выдула из головы все романтические бредни. Ловким движением я смахнула книжку в мягком переплете под подушку и схватила с тумбочки увесистый том «Макроэкономики».

Дверь в мою комнату распахнулась без стука, и на пороге появилась Айза.

Если бы в мире существовал конкурс на звание идеальной горской невесты, Айза забрала бы гран-при без борьбы. Высокая, стройная, с осиной талией, пышными темными локонами и огромными, карими глазами в размашистом обрамлении густых ресниц. Настоящая картинка! Правда, Всевышний, щедро одарив мою подругу внешностью, забыл добавить ей хотя бы каплю житейской мудрости.

– Я же просила тысячу раз: не называть меня «Жасей», – проворчала я, напуская на себя самый суровый вид и уткнувшись в графики инфляции. – Мое имя – Жасмин.

– Ой, да какая разница! – зашебетала Айза. Она с размаху шлепнулась ко мне на кровать, отчего матрас прогнулся, и бросила рядом со мной увесистый, вкусно пахнущий духами мешочек. – Ты опять за своими умными книжками сидишь? У тебя же завтра свадьба! Ты должна думать о том, как правильно смотреть на мужа из-под вуали, а ты читаешь про... – она прищурилась, пытаясь разгадать слова на обложке, – ...про макро-эко-что-то-там! Ужас какой, от этого же морщины на лбу появляются!

– От ума морщины не появляются, Айза. Они появляются от глупости, – вздохнула я, закрывая книгу. – Что это за мешок?

– Это моя прелесть! – подруга с сияющими глазами вывалила на покрывало гору баночек, тюбиков и палеток. – Троюродная сестра из Махачкалы привезла! Настоящий корейский кушон, тушь с эффектом накладных ресниц и помада. Я пришла сделать тебе пробный макияж. Ты должна быть первой красавицей на свадьбе!

Я горько ухмыльнулась и посмотрела на нее поверх своих нелепых очков.

– Я? Красавицей? Ты издеваешься, Айза? Намажь тыкву самым дорогим кремом – она все равно останется тыквой, а не каретой. И вообще... с какой стати я должна стараться для Казбека Тарлановича?

При мысли о нареченном меня передернуло. В голове прочно засело новое прозвище для жениха – *потный Тараканович*. У него действительно пышные, подкрученные усы, как у таракана, и вечно лоснящийся от жирной пищи лоб.

– Жасмин, ну нельзя же так! – всплеснула руками Айза, и её огромные глаза стали еще больше, выражая искреннее, детское изумление. – Казбек Тарланович – уважаемый человек! У него три магазина на базаре, двухэтажный дом с ковкой и новенький «Лэнд Крузер»! Он твоему отцу за тебя столько отвалил, что все село шепчется!

– Угу. А еще у него живот, который входит в комнату раньше него самого, одышка и лежащая первая жена, которой нужна бесплатная сиделка, – сухо парировала я. – Деньги не заменят того, что ему пятьдесят пять, Айза. Для него я просто новая, молодая кровь в доме. Игрушка, развлечение.

– Думаешь, он будет плохо с тобой обращаться? – вздохнула подруга, крутя в руках розовый блеск для губ.

– Пусть только попробует!

Айза вдруг густо покраснела и стыдливо опустила пушистые ресницы.

– Что? – наклонила голову, с любопытством глядя на подругу. – Говори!

– Хотела тебе рассказать... Тагир вчера... у родника ко мне подошел, – шепотом произнесла она. – Попросил у меня кружку, чтобы отпить воды и сказал, что у меня глаза, как две ночные звезды над Шахдагом. А его мать сегодня утром к моей маме на чай приходила. Жасмин, они сватов пришлют! На следующей неделе!

Я посмотрела на светившуюся от счастья подругу. Тагир самый завидный жених в нашем селении: молодой, статный, с веселыми синими глазами, первый красавец и отличный музыкант. В него влюблены абсолютно все девчонки от пятнадцати до двадцати пяти, кто хоть раз видел его выступления на свадьбах. И они с Айзой идеально подходили друг другу.

За подругу я искренне рада, но где-то на самом дне души кольнула острая, ледяная зависть.

– Рада я за тебя, Айза. Правда, – тихо сказала я, погладив её по гладкой руке, но не удержалась от печального вздоха: – Жаль только, что в нашем селении нет второго Тагира... Для меня.

– Ой, да зачем тебе второй Тагир? – всерьез удивилась наивная подруга. – Тагир же красивый, а ты... ну, ты у нас умная! Тагир бы с тобой со скуки умер, если вы бы про свои графики разговаривали. А Казбек Тарланович – мужчина солидный и, наверное, тоже умный. Вам будет о чем поговорить! Давай я тебя хотя бы накрашу, а? Ну пожалуйста! Нарисуем стрелки, губы увеличим...

Я посмотрела на палетку теней, потом на свой учебник. Внутри все протестовало. Спаситель с обрыва, чье лицо я так и не смогла толком разглядеть из-за темноты и разбитых очков, наверняка сейчас где-то далеко. А моя реальность – это Тараканович, свадебное платье в шкафу и глупая попытка Айзы нарисовать мне лицо, которого у меня никогда не было.

– Ладно, – сдалась я, обреченно закрывая глаза. – Рисуй, визажист. Все равно хуже, чем есть, уже не сделаешь.

Когда Айза с гордостью поднесла ко мне зеркало, я едва скользнула взглядом по своему отражению. Нарисованные стрелки, чересчур красные губы... Ничего особенного, волшебства не случилось. Как была некрасивая, так и осталась ею.

Теперь все мои мысли занимала завтрашняя ночь. Брачная ночь.

К горлу подступил тошнотворный, жгучий ком, и спазм отвращения перехватил дыхание. Я невольно сопоставляла трепетные страницы прочитанного романа с тем, что ждало меня на самом деле. В книге – пылкий молодой человек, нежные прикосновения и поцелуй, от которого замирает сердце.

А у меня... Казбек Тараканович. Пятьдесят пять лет. Тяжелая одышка, сальные усы, лоснящийся лоб и запах старого табака вперемешку с дорогим одеколоном.

Меня мутило от одной мысли о том, чтобы просто позволить ему коснуться моих губ. А ведь поцелуем все не ограничится. Наступит то... от чего рождаются дети.

Дети... Боже мой, дети от этого старикана!

Эта мысль окончательно добила меня. Я представила, как буду вынуждена делить постель с человеком, который почти годится мне в дедушки, и глухая, безысходная жалость к самой себе сжала грудь. Бедная я, бедная... За что мне всё это? За что моя жизнь ломается, едва успев начаться?

– Жася? Ты чего так побледнела? – испуганно всплеснула руками Айза, заметив, как я судорожно хватаю ртом воздух. – Ой, да ты вся дрожишь! Это просто мандраж, честное слово! У всех невест перед свадьбой поджилки трясутся. Пойдем-ка на улицу, подышишь свежим воздухом, а то совсем сдуреешь в своих четырех стенах!

Я лишь молча кивнула, пытаюсь сглотнуть подступившие слезы, и позволила подруге увлечь себя на улицу.

Мы медленно шли по пыльной улочке селения. Погода стояла солнечная, ветреная, но для меня весь мир словно померк, окрасившись в серые тона.

Айза что-то увлеченно щебетала рядом – кажется, снова про то, как красиво Тагир вчера улыбнулся ей у родника. Я слушала её вполуха, кивала невпопад и полностью ушла в свои мрачные мысли.

И вдруг... движение на противоположной стороне улицы заставило меня замереть на месте.

Возле местной автомастерской стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в темной куртке. В его осанке, в том, как он небрежно опирался о припаркованный серебристый внедорожник, было что-то невероятно, страшно знакомое. Тот же разворот плеч, та же сильная, хищная грация...

Сердце совершило сумасшедший кульбит и оборвалось куда-то в пятки. Дыхание перехватило.

Это он? Вчерашний горец со скалы?!

Мой взгляд буквально прилип к его фигуре. Забыв обо всем на свете – о приличиях, о свадьбе, об Айзе – я откровенно и бесстыдно уставилась на него, пытаюсь сквозь расстояние разглядеть черты его лица.

– Эй! Ты чего так пялишься на мужчину?! С ума сошла?! – громкий, испуганный шепот Айзы буквально выдернул меня из оцепенения. Подруга больно ущипнула меня за бок и силой повернула к себе. – Ты совсем головой поехала? На нас же люди смотрят! Тебе завтра замуж, а ты на чужих незнакомцев глазеешь, как беспутная!

Я мгновенно пришла в себя, ощутив, как щеки и шею обжигает жгучий, несносный стыд.

Боже, что я делаю? Для горской девушки, а тем более для обрученной невесты, такой открытый взгляд на постороннего мужчину – немыслимый проступок, позор на всё село!

Я торопливо опустила глаза в землю, но перед этим успела заметить, как незнакомец медленно повернул голову в нашу сторону.

Его взгляд – холодный, абсолютно скользкий и равнодушный – прошел сквозь нас с Айзой. Ни тени узнавания. Ни единого всплеска эмоций. Он просто отвернулся, сел на водительское сиденье и с сухим треском хлопнул дверью машины.

Двигатель взревел, и внедорожник обдал нас клубами пыли.

Я стояла, глотая горькую обиду, и ругала себя за глупость. Ошиблась. Конечно же, ошиблась! С чего я вообще взяла, что это мог быть он?

Вчерашний мужчина на скале был другим. Он был разгневанным, опасным, живым. Он кричал на меня, сжимал мои запястья, от него веяло сумасшедшим диким теплом. Вчерашний

горец, узнай он меня, точно бы не прошел мимо с таким ледяным безразличием. Он бы заговорил... Снова стал бы язвить, обзывать козой или отчитывать за глупость.

Или не заговорил бы?

Вчера была тьма. На мне не было очков, а волосы растрепались от ветра. Сегодня я в платье, с ярким макияжем Айзы... А может, я для него вообще никто? Просто случайная девочка с обрыва, спасение которой он уже выкинул из головы как мелкий, незначительный эпизод?

От этой мысли почему-то стало еще тоскливее, чем от воспоминаний о Казбеке Тарлановиче.

– Ну всё, – обреченно проговорила Айза. – Нас заметили...

Глава 3

День моей свадьбы начался с оглушительного, бьющего по натянутым нервам гула.

Музыка играла, женщины на кухне громко разговаривали, жаря тонны праздничных пирогов, а родственницы разного возраста беспрестанно сновали из комнаты в комнату.

Все радовались. Кроме меня.

Для них это праздник, пышная кавказская свадьба, классный повод надеть лучшие шелка и покрасоваться. Для меня же этот день ощущался как похороны. Похороны моих мечт, моей свободы и светлого будущего.

Я стояла перед большим зеркалом в тяжелом свадебном наряде. Традиционное платье, вышитое золотыми нитями, казалось, весило тонну и безжалостно сжимало ребра серебряным поясом. Мне трудно дышать. Не от корсета, а от удушливого, отчаянного липкого страха, который сковал грудную клетку.

Под вуалью скрывалось моё бледное, бескровное лицо. Вчерашний яркий макияж Айзы смыли и нарисовали новый – более строгий, скромный, «соответствующий образу благочестивой невесты». И никому не было дела до черной тоски в моих глазах.

Через пару часов приедет Казбек Тарakanович, и я стану его собственностью. Эту мысль я не могла переварить, мозг просто отказывался ее принимать, выставя защитную стену из глухой отстраненности.

Каково это – отдать свое тело человеку, при виде которого тебя выворачивает наизнанку? Как смотреть ему в глаза? Как позволить ему касаться себя?

Воздуха в комнате катастрофически не хватало. Гомон тетушек, запах душных духов и жареного мяса начали вызывать тошноту.

Я должна вырваться. Хотя бы на десять минут.

Неистово захотела на скалу. Туда, к моему обрыву, где гуляет свободный, дикий ветер, где виден весь наш край как на ладони. Мне жизненно необходимо попрощаться с этим местом, где я была настоящей Жасмин, умной, мечтательной девчонкой, а не проданной за кучу денег невестой. Вряд ли муж разрешит мне слоняться без дела, и я еще долго не увижу этот живописный пейзаж.

Придерживая тяжелый, вышитый подол платья, я шустро выскользнула через заднюю дверь дома, ведущую к тропинке в гору.

– Жасмин?! – резкий, почти визгливый крик матери настиг меня прямо у калитки.

Я замерла, как пойманный вор. Мама выбежала за мной, схватила меня за локоть цепкой хваткой и дернула назад во двор.

– Ты с ума сошла?! – зашипела она, испуганно озираясь, не видит ли кто. – Куда ты собралась?! С минуты на минуту приедет Казбек Тарланович! Свадебный кортеж уже выдвинулся! Да и негоже в свадебном наряде по селу ходить, позор-то какой! Что люди скажут?! Скажут, невеста из дома сбегает?!

– Мама, пожалуйста... – мой голос прозвучал как жалкий писк. Слез не было, они будто выгорели внутри. – Просто пять минут... На край обрыва. Я только подышать...

– Подышать?! А что, в доме воздуха нет?! – мама затащила меня обратно в прихожую и прижала к стене, сурово глядя в глаза. Но за её гневом я увидела плескавшийся страх. Страх перед мнением села, перед богатым женихом и моим отцом. – Всё, Жасмин! Детство кончилось! Ты больше не принадлежишь сама себе. Ты – невеста уважаемой семьи Тарлановых. Стань в угол, опусти глаза и жди мужа, как подобает воспитанной девушке!

Она накинула мне на лицо вуаль и подвела к «уголку невесты» – месту, где по традиции я должна неподвижно стоять, опустив голову, пока гости гуляют во дворе.

И я стояла, превратившись в нарядную статую...

Внутри меня бушевал немой, дикий вопль отчаяния. Я чувствовала себя жертвенным ягненком, которого обрядили в ленты перед тем, как вести на заклание. И самое страшное – никто, абсолютно никто в этом селе не считал это трагедией. Наоборот, все искренне завидовали моему «счастью».

Вдруг на улице оглушительно засигналили десятки автомобильных клаксонов. Затрещали выстрелы в воздух – гостеприимный салют. Кортёж жениха остановился возле дома.

Сердце в груди барахталось, к горлу подступил горький, тошнотворный комок. Тараканович пришел за мной.

Шум во дворе нарастал с каждой секундой. Загремела лезгинка, заскрипели ворота, а в воздух взлетела еще одна очередь из автомата.

В дом вошли мужчины: старшие рода, мулла и сам Казбек Тараканович, лоснящийся, довольный, в дорогом костюме, который смешно обтягивал его грузный живот. До совершения никаха – священного обряда, который навеки прикует меня к этому человеку, – оставались считанные минуты.

Тяжелые шаги Казбека Таракановича раздались совсем рядом. Вместе с его приближением комнату заполнил густой, удушливый запах дорогого табака, вперемишку с резким парфюмом и тяжелым потом.

Я не смела поднять на него взгляд. Мои глаза прикованы к полу, и я рассматривала его обувь – новенькие, до блеска отполированные туфли из импортной черной кожи, на которых осела пыль наших горных дорог. Слишком дорогие и вульгарные. Впрочем, как и он сам.

Казбек остановился в шаге от меня. Его тяжелая, короткопалая рука с массивным золотым перстнем поднялась и медленно, с неторопливым смакованием откинула вуаль с моего лица.

Он наклонился. И я почувствовала, как мое лицо обдало его горячим, тяжелым дыханием.

– Не дрожи так, моя птичка, – на ухо прошептал Тараканович. Его голос прозвучал с сальной, удовлетворенной ухмылкой, предназначавшейся только мне. – Сначала все бутоны закрываются и трепещут. Но уже этой ночью в моих руках ты поймешь, как сладко быть покорной настоящему хозяину. Я научу тебя цвести...

Его липкая, присваивающая фраза, пропитанная откровенным намеком на предстоящую ночь, сработала как детонатор.

Ледяной, сковывающий страх внутри меня мгновенно сгорел, уступая место чистой, ослепительной ярости. Покорность, которую от меня ждали мать, селение и престарелый жених, разлетелась вдребезги.

Вопреки всем горским обычаям, жестоко требовавшим от невесты смиренно кропить слезами пол и держать голову опущенной, я резко вскинула подбородок.

Мой взгляд – дерзкий, обжигающий, полный нескрываемой ненависти и презрения, открыто вонзился в его лицо. Я не произнесла ни слова, но в моем пылающем взоре Казбек прочитал отчетливое, бескомпромиссное послание: «Я так просто не покорюсь тебе!»

Тараканович на секунду опешил, его гадкая ухмылка исчезла, а в глазах мелькнуло недоверие. Однако он быстро взял себя в руки и повернулся к мулле.

Мулла уже раскрыл книгу, и в комнате установилась тишина. Я стояла ни жива ни мертва, чувствуя, как под тяжелым платьем тело покрывается липким холодным потом. Мои губы бессмысленно шептали последнюю молитву о спасении...

И вдруг во дворе раздался такой звук, будто прямо в калитку врезался грузовик.

В доме началась суматоха, мулла осекся на полуслове, а Казбек с руганью дернулся к выходу. Я осталась одна, среди женщин. Мужчины выбежали посмотреть, что там случилось во дворе.

Дверь распахнулась с треском, и на пороге появился... он.

Тот самый джигит со скалы, я сразу его узнала. Высокий, подтянутый, с горящими, неистовыми глазами. От него веяло такой опасной, дикой силой, что все женщины в комнате вмиг онемели от неожиданности.

Никто ничего не успел понять. За доли секунды, пока дом погрузился в хаос, джигит сделал пару стремительных шагов ко мне. В его руках внезапно возникла тяжелая, пахнущая овечьей шерстью черная бурка. Одним ловким, точным движением он накинул её на меня, заблокировав руки.

– Вор! Он крадет невесту! – очнулся и заверещал кто-то из тетушек.

Я охнула, когда сильные руки бесцеремонно подхватили меня и вскинули на плечо.

Вуаль сбилась, и грубая ткань бурки колола лицо. Слышались крики, ругань, топот ног, звуки опрокидываемых столов.

– Держи его! Убейте сукина сына! – взревел голос Таракановича.

Джигит несясь сквозь толпу. Раздался сухой щелчок выстрела – кто-то из родни жениха достал пистолет, но джигит уже выскочил во двор.

Он буквально зашвырнул меня на переднее сиденье серебристого внедорожника, стоящего прямо посреди разбитой калитки, рывком пристегнул и захлопнул дверь. За секунду сам оказался за рулем.

Двигатель взревел и внедорожник рванул с места, выбивая из-под колес фонтаны гравия.

– За ними! В погоню! – донеслись сквозь закрытые окна истошные крики.

Я судорожно сбросила с себя бурку и обезумевшим взглядом уставилась в зеркало заднего вида. За нами уже неслись три иномарки со стороны жениха. Раздались новые выстрелы – родня Казбека решила не отдавать «добычу» просто так.

– Пригнись! – отрывисто, с металлом в голосе бросил мой похититель, даже не повернув головы.

Я сжалась в комок, вцепившись в кожаное сиденье. Сердце колотилось в ушах так громко, что заглушало рев мотора.

Мы неслись по узкой, серпантинной горной дороге на безумной скорости. С одной стороны был голый край скалы, с другой – тысячеметровая пропасть. Любая ошибка означала смерть. Но похититель вел машину с дьявольским, филигранным мастерством. На бешеном дрifte он входил в повороты, заставляя резину визжать, а мою душу уходить в пятки.

В какой-то момент, на опасном развороте над самым обрывом, он резко дернул ручник, заставив огромный джип развернуться почти на месте, и нырнул в узкий, незаметный проезд между валунами.

Позади раздался оглушительный визг тормозов и скрежет металла – преследователи проскочили поворот, на полной скорости столкнувшись друг с другом.

Еще пару минут внедорожник подпрыгивал на камнях, взбираясь всё выше в горы, пока рев погони и выстрелы окончательно не потонули в глухом шуме горного ветра.

Мы оторвались.

В машине воцарилась оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая только моим рваным, испуганным дыханием и ровным гулом мотора.

Я сидела в пышном свадебном платье, со сбитой вуалью, с растрепавшейся косой и просто не могла опомниться. Мой разум отказывался воспринимать происходящее. Меня... украли? Прямо перед никахом? Прямо под носом всесильного Казбека Тарлановича? Ка-ак?

Медленно повернула голову и уставилась на водителя.

Он спокойно сидел за рулем, переключая передачу. Строгий, суровый профиль, сжатые губы, идеальная военная выправка.

Меня накрыл настоящий, парализующий шок. Это не сон. Не ошибочное видение. Он действительно пришел за мной. Но... зачем?! Кто он такой и что теперь, ради всего святого, со мной будет?!

Глава 4

Внедорожник резко затормозил, подмяв под колеса сухую горную траву. Двигатель заглох, и над затерянным среди скал плато воцарилась тишина.

Перед нами стоял одинокий, выложенный из грубого дикого камня дом с темными окнами, словно затерянный на самом краю света.

В этот момент пружина, натянутая внутри меня до предела, со скрежетом лопнула. Шок, сковывавший тело последние полчаса, сменился сжигающей, безумной яростью.

Я выскочила из машины, и едкие слезы обиды и злости наконец брызнули из глаз. Ноги путались в слоях тяжелой шелковой юбки. Мой похититель спокойно вышел с водительского места и обошел капот.

– Зачем?! – срываю голос, закричала я и кинулась к нему. – Зачем ты это сделал?!

Я налетела на него, как ураган, и изо всех сил принялась колотить кулачками по его широкой, твердой, как каменная стена, груди. Свадебные браслеты звякали, пальцы мгновенно отозвались болью от ударов, но я не могла остановиться.

– Зачем ты сломал мою жизнь?! – рыдала я, не жалея сил. – Чтобы наказать меня?! Чтобы отомстить за ту пощечину на скале, да?! Захотел опозорить меня перед всем родом, лишить чести, сделать изгнанницей?! Отвечай, негодяй! Отвечай же!

Он не шелохнулся. Даже не попытался увернуться или подставить руки под мои удары. Стоял, выпрямившись во весь свой огромный рост, лишь скулы на его суровом лице желваками ходили ходуном, а губы сжались в узкую линию. В его темных, почти черных глазах бушевал настоящий шторм, но он молчал, давая мне выплеснуть эту бешеную истерику.

Наконец мои руки бессильно опустились. Я тяжело, рвано дышала, размазывая по щекам тушь и слезы, и с ненавистью смотрела на него.

Мужчина медленно перевел дыхание, выдержал паузу и, стиснув зубы так, что послышался хруст, произнес отрывистым, не терпящим возражений голосом:

– Смирись. И заходи в дом.

Его спокойствие обожгло меня сильнее, чем если бы он ударил меня в ответ.

– Смирись?! – вскричала я, отступая на шаг и мотая головой. – Ты думаешь, что можешь просто украсть меня, как какую-то вещь, накинуть свою вонючую бурку и заставить молчать?! Не смирюсь! Никогда в жизни! Я лучше прыгну с той самой скалы, чем останусь с тобой! Я ухожу!

Я круто развернулась, подхватила длинный, испачканный в пыли подол свадебного платья и сделала порывистый, отчаянный шаг в сторону узкой тропы, уводящей вниз, в темноту гор.

Но не успела завершить этот шаг.

Воздух за спиной рассекла стремительная тень. В следующий миг сильные, стальные руки молниеносно обхватили меня за талию и под колени, оторвав от земли так легко, словно я весила не больше сухой ветки.

– Пусти! Отпусти меня, дикарь! Сволочь! – забила в его хватке, молотя ногами по воздуху и пытаясь вцепиться ему в лицо.

Мужчина даже не поморщился. Он плотнее прижал меня к своей широкой груди, так что я ощутила бешеный, ритмичный стук его сердца и раскаленный жар, исходивший от него.

Игнорируя мои вопли и сопротивление, он развернулся и чеканным, размашистым шагом понес меня к каменному дому.

Толкнул тяжелую деревянную дверь ногой, занеся меня внутрь, и с глухим стуком захлопнул её за нашей спиной.

Затем грубо толкнул меня в небольшую комнату и тут же шагнул назад.

– Посиди пока тут. Успокойся.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, а через секунду раздался сухой, беспощадный щелчок замка.

Он запер меня, чтобы я «смирилась с судьбой»? Чтобы поломать меня, растоптать мою гордость?!

Прошел целый час. Я металась по комнате, мешая слезы с проклятиями, пока замок снова не заскрипел.

На пороге стоял мой похититель. В руках он держал деревянный поднос, на котором лежали сочные фрукты, восточные сладости и стоял кувшин с водой.

– Не свадебный пир, конечно, но все равно неплохо, – произнес он будничным, спокойным голосом, шагнув ко мне и протягивая поднос.

Мои глаза вспыхнули. Ах, неплохо?! Он искренне думал, что я буду с кормиться из его рук?!

Одним резким, неистовым движением снизу вверх я ударила по подносу ладонями.

Кувшин с грохотом разлетелся на мелкие осколки по полу, вода брызнула на его ботинки и край брюк, а персики и сладости раскатились во все стороны.

Мужчина замер. Я увидела, как его пальцы судорожно сжались в тяжелые кулаки так крепко, что костяшки побелели, а на широких челюстях заходили желваки.

Я ждала, что он ударит меня, закричит, но он не обронил ни единого слова. Лишь собрал осколки, смерил меня тяжелым взглядом, развернулся и молча вышел, снова заперев дверь на засов.

– Мерзавец! – прошипела ему вслед, бессильно оседая на край деревянной кровати.

Я абсолютно уверена: он делает это из мести. Тот случай на скале, когда я дала ему пощечину... он запомнил. Затаил обиду и решил выждать момент, чтобы проучить меня. Опозорить перед всей родней, сорвать свадьбу, сделать меня своей пленницей. Поиздеваться над той, что посмела поднять на него руку!

Какой же негодяй! Урод!

Я поднялась и подошла к небольшому окну. За стеклом раскинулись неприступные, дикие скалы и глухой, темнеющий лес. Высоко. Прыгать – значит сломать ноги. Но я не останусь здесь. Я найду способ выбить эту чертову рамку, найду ветку, сделаю канат из свадебных шлейфов... Я сбегу, даже если придется ползти по камням.

Прошло еще полчаса, когда замок снова щелкнул.

Горец вернулся. На этот раз абсолютно спокойный, будто не было ни разбитой посуды, ни моей истерики. В руках он держал аккуратную стопку чистой, добротной женской одежды: мягкий шерстяной свитер, просторную юбку и теплый платок.

Он молча положил вещи на край стола.

Я скрестила руки на груди и с вызовом ядом процедила:

– Эти вещи принадлежат женщине, которая жила здесь с тобой до меня? Её ты тоже украл?!

Мужчина на секунду задержал на мне холодный взгляд.

– Нет, – отрезал он. – Это вещи моей сестры.

– И где она, твоя сестра?! – не унималась я, наступая на него. – Тоже сбежала от такого дикаря?

– Не твое дело, – отрезал незнакомец, решительно поворачиваясь к выходу.

Он уже взялся за дверную ручку, но перед тем как шагнуть за порог, медленно обернулся. Его взгляд скользнул по моему порванному, пыльному свадебному платью, а затем встретился с моим.

– Сними это шелковое тряпье и переоденься. И готовься к ночи, – проговорил он низким, ровным голосом, в котором не было ни капли шуток. – Я намерен сделать всё, что положено делать с украденной невестой.

Кровь отхлынула от моего лица, а затем с новой силой ударила в виски. От страха и возмущения у меня перехватило дыхание.

– Что?! – закричала ему в спину, когда он уже выходил. – Да как ты смеешь?! Я даже имени твоего не знаю, подлец!

Мужчина остановился в проеме. Не поворачивая головы, он лишь чуть сбавил шаг и бросил через плечо:

– Саид.

– Что?

– Меня зовут Саид и через несколько часов я жду горячей благодарности за твоё второе спасение, Жасмин...

Глава 5

Тьма за окном сгустилась. И в доме стало совсем тихо.

Я сидела на краю деревянной кровати, сжавшись в комок.

Боялась? До безумия. Меня колотило так, что зубы стучали. В голове крутился его холодный, беспощадный голос: «Готовься к ночи. Я намерен сделать всё, что положено делать с украденной невестой».

Но отчаяние – странная штука. Достигнув дна, оно превращается в ярость.

Я не отдамся ему! Затопчу в себе слабую, плачущую девчонку и буду защищаться!

Мой палец до боли сжимал скрытый в широком рукаве свитера острый осколок того самого кувшина, который я разбила днём. Край осколка уже слегка посек мне ладонь, но я не замечала боли.

Раздался звук поворачивающегося ключа.

Сердце рухнуло в ледяную бездну и тут же забилось с бешеной скоростью.

В проеме показался высокий, массивный силуэт Саида. В полумраке комнаты, освещенной лишь скудным лунным светом из окна, он казался огромным, страшным, настоящим ночным хозяином этих диких гор.

– Не подходи! – вскочила с кровати и выставила вперед окровавленный осколок. – Не смей ко мне прикасаться! Сделаешь шаг – и я засажу стекло тебе прямо в горло! Слышишь?! Я не твоя добыча!

Я стояла, тяжело дыша, сжав зубы, готовая броситься на него в любой момент.

Саид замер.

В наступившей тишине слышно только наше рваное дыхание.

– Ты правда думала, что я стану брать женщину силой? – глухо, с какой-то горькой усталостью в голосе спросил он.

Я опешила. Острый осколок в моей руке слегка опустился, а мысли мгновенно спутались.

– Но ты... ты сам с-сказал! – заикаясь, выдохнула я. – Ты сказал подготовиться к ночи! Что сделаешь всё, что положено!

– По горским законам, если невесту украли, и она провела ночь в доме мужчины... для своего жениха она считается оскверненной. Казбек – гордый, самолюбивый индюк. После этой ночи он никогда больше не возьмет тебя второй женой. Для него ты испорчена. Твой отец не сможет перепродать тебя ему снова. Сделка уничтожена. Ты свободна от него навсегда. Не хочешь сказать мне «спасибо»?

Пальцы ослабли, и разбитый осколок с глухим стуком выпал из рук, укатившись под кровать.

– Так ты... сделал это, чтобы спасти меня от Казбека? – шепотом переспросила я. – Ты ведь даже не знаешь меня!

– Дай руку, – коротко скомандовал он.

Я неосознанно отступила на шаг назад, пряча пораненную кисть за спину, и уставилась на него с дикой настороженностью. Внутри всё ещё блуждало недоверие: а вдруг это ловушка? Вдруг он сейчас схватит меня?

– Не трогай, я сама, – буркнула я, не сводя с него напряженного взгляда.

– Я сейчас вернусь.

Мужчина вышел из комнаты и через минуту вернулся, держа в руках глубокую пиалу и белые бинты.

Он железно перехватил мое запястье и подвел к столу. Его ладонь огромная и горячая. Я замерла, не спуская с него глаз, готовая вырваться при малейшем подозрительном движении.

Но он не проявил ни малейшей агрессии. Осторожно опустил мою руку над пиалой и начал аккуратно смывать кровь прохладной водой.

Я затаила дыхание, не спуская с него настороженного взгляда. Мои глаза следили за каждым микродвижением его лица. Я ждала подвоха. Но его пальцы касались моих порезов с удивительной, нежной осторожностью.

Саид начал умело и ловко бинтовать мою ладонь. От него веяло чистым, жарким мужским телом, горной прохладой и тонким ароматом древесного дыма. В груди что-то сладко и больно сжалось.

Завязав узел на запястье, он наконец отпустил мою руку.

– Ложись спать, – произнес он ровным голосом. – Но я посплю рядом, на этой же кровати. И не вздумай прыгать в окно в темноте – я почувствую любое твоё движение.

Он лёг прямо в одежде на самый край широкого деревянного ложа, подложил руку под голову и закрыл глаза, наглядно демонстрируя, что разговор окончен.

Я стояла посреди комнаты, оглушенная и сбита с толку, с пылающими щеками и бешено стучащим сердцем.

Этот дикарь, этот медведеподобный негодяй, которого я весь день проклинала последними словами... покрыл мое имя позором, рискуя собственной жизнью и подставляясь под пули богатого клана Тарлановых, только для того, чтобы защитить меня от старого Таракановича? И при этом не коснулся меня даже пальцем?!

Я достала из слезящихся глаз контактные линзы-однодневки, которые мне велела надеть на свадьбу мать. Завтра весь мир поплывет. Как же я буду без очков?

Затем осторожно опустилась на противоположный край матраса, стараясь даже не дышать громко. Между нами оставалась ещё добрая половина кровати, но сам факт того, что посторонний мужчина лежит со мной на одном матрасе, путал мысли.

Я прилегла на бок, слепо вглядываясь в широкие плечи мужчины и тихо, едва слышно прошептала:

– Спасибо... Саид.

Он не ответил, но я заметила, как на секунду чуть заметно дернулось его плечо.

Поверить не могу! Еще утром я готовилась стать жертвой Таракановича, а сейчас спала на одной кровати с красивым мужчиной, который рисковал всем ради моей свободы. Это так напоминало мне мужских героев из тех самых дешевых романов...

Первые лучи горного солнца пробились сквозь щели деревянных ставень, когда я открыла глаза.

Саида рядом уже не было. На его стороне кровати осталась лишь примятая подушка.

Я села, протирая глаза. Без диоптрий мир снова казался размытым акварельным полотном.

Дверь тихо закрипела, и в комнату вошел Саид. На нем чистая темная рубашка с закатанными по локоть рукавами, обнажавшими сильные, мускулистые предплечья. В руках он держал деревянный поднос с завтраком, а рядом с тарелкой лежало нечто небольшое в футляре.

– Вставай, Жасмин, – проговорил он, ставя поднос на маленький столик у окна. – Нужно поесть.

– Ты... ты не уехал? – тихо спросила я, смущенно поправляя растрепавшиеся за ночь волосы и сжимая на груди ворот свитера.

– Куда я уеду, когда у меня в доме украденная невеста? – Саид хмыкнул, но в его голосе не было насмешки.

Он взял с подноса футляр, сделал пару шагов к кровати и протянул его мне.

– Надень.

Я нащупала пальцами место открытия и ахнула. Внутри лежали новенькие очки. Стильная, элегантная оправка из темного металла, молодежные, совсем не такие ужасные, какие я носила раньше.

– Но как?.. – заикнулась я, глядя на него снизу вверх. – Откуда ты узнал мои параметры?

– Помнишь ту ночь на скале, когда ты отвесила мне пощечину, а я раздавил твои очки? – Саид чуть сощурился, и в уголке его губ мелькнула тень улыбки. – Я собрал в траве обломки, и мой знакомый мастер в городе по треснувшим линзам смог точно определить диоптрии. Я хотел вручить их тебе.

Мое сердце пропустило удар. Он искал в темноте останки моих очков просто для того, чтобы сделать их для меня? Какой романтический поступок!

Я с замиранием сердца надела очки.

Мир мгновенно обрел звенящую, кристальную четкость. Расплывчатые пятна исчезли, и я... словно впервые по-настоящему увидела Саида.

У меня прервалось дыхание.

Он невероятно красив суровой, вытесанной из гранита горской красотой. Густые темные волосы, волевой подбородок с легкой щетиной, резкие скулы и глаза – глубокие, цвета темного янтаря. Утренний свет очерчивал его мощный разворот плеч и статную фигуру.

Саид заметил мой застывший, ошарашенный взгляд.

– Ну что, рассматриваешь? – тихо спросил он. – Теперь я не похож на «медведеподобного психопата»?

Щеки обожгло густым румянцем. Я торопливо опустила глаза, делая вид, что поправляю дужку очков на носу.

– Внешность бывает обманчива, – буркнула я, хотя сердце в груди пустилось в пляс. – Ты так и не ответил на главный вопрос, Саид. Зачем тебе все это? Зачем ты рисковал жизнью ради меня?

Саид подошел к окну и на мгновение задумчиво посмотрел на темнеющие вдалеке горные хребты.

– Я увидел тебя на скале в тот вечер, девочку, которая готова была шагнуть в бездну, лишь бы не отдавать свою жизнь другому. А потом поспрашивал и узнал, ЧЬЕЙ невестой тебя делают. И просто не смог пройти мимо.

Его простые, но честные слова прожгли меня до самых глубин души.

– Поешь, – добавил он, поворачиваясь ко мне. – В четырех стенах ты совсем сдуреешь от мыслей. А за домом есть закрытая тропа вдоль ущелья, туда чужие не ходят. Выйдем, подышишь свежим воздухом. А потом решим, что нам делать...

Глава 6

Горный воздух казался пьянящим. Солнце ярко освещало желтеющие склоны, где-то далеко внизу шумела река. В новых очках я жадно впитывала каждую деталь: узоры на мшистых валунах, орла, парящего высоко в небе, и силуэт Саида, который шел рядом, чуть впереди, внимательно следя за каждым моим шагом.

Мы молчали, но это не было тягостным молчанием. Между нами установилось странное, негласное перемирие. Я разглядывала его без страха, замечая, как легко он передвигается по крутым каменистым тропам, как сильны его руки, и как плавно он подстраивает свой широкий шаг под мой.

– Ты с самого детства жил в горах? – тихо спросила я, чтобы разбить тишину.

– До восемнадцати лет, – откликнулся Саид, не оборачиваясь. – Потом уехал в город. Учился, работал, служил. Но горы не отпускают. Сюда всегда возвращаешься, когда нужно собраться с мыслями.

– Понимаю... Я тоже любила уходить на ту скалу, когда становилось совсем тяжело. «Кавказ подо мной. Один в вышине стою над снегами у края стремнины... Орёл, с отдалённой поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне».

Саид чуть замедлил шаг, полуобернулся и нахмурился, окинув меня озадаченным взглядом:

– Что? Кто парит?

– Это же Пушкин, наше всё, – улыбнулась я, чувствуя, как с лица сползает последняя напряженность. – Стихотворение «Кавказ». Ты должен был выучить его в школе наизусть.

Саид неопределенно хмыкнул:

– У меня в школе были другие приоритеты. Вольная борьба и самбо, например.

– Ну, а после школы? – задорно спросила я, прибавив шаг, чтобы сровняться с ним на каменистой тропе. – Что ты читал в последнее время?

Он задумался, его челюсти сжались, а на широком лбу залегла глубокая складка. Прошло полминуты, но Саид так и не назвал ни одной книги.

– Саид? – не унималась я. – Ну хоть одного автора помнишь? Дюма? Куприн? Толстой?

– Инструкция к экскаватору «Komatsu», – абсолютно серьезно буркнул он, но в уголке его темных глаз проскользнула едва заметная, теплая искорка. – Очень увлекательный детектив, до последнего не понятно, где прорвет гидравлику.

Я не удержалась и тихо, искренне расхохоталась. Этот суровый, огромный горец, способный нестись на внедорожнике над пропастью, явно имел чувство юмора.

– В мире столько невероятных историй! – сказала воодушевленно. – Я, например, с детства зачитывалась классикой. «Героя нашего времени» Лермонтова перечитывала раза три – Печорин, конечно, эгоист, но до чего же сложно написан! А у Толстого в «Анне Карениной» каждое описание – как глубокий психологический разбор человеческой души. Когда читаешь хорошую книгу, ты будто проживаешь сотни других жизней, видишь мир глазами совершенно разных людей... Понимаешь?

Я увлекалась всё сильнее, вдохновенно рассказывая о любимых романах, сюжетных поворотах, поэзии и героях, оживавших на страницах. Я говорила эмоционально, жестикулируя пораненной и уже аккуратно забинтованной им рукой, напрочь забыв обо всех страхах.

Саид не перебивал. Он шел рядом, чуть сбавив свой размашистый темп, чтобы мне не приходилось спешить, и внимательно, молча слушал каждое мое слово.

Его янтарный взгляд скользил по моему ожившему, пылающему румянцем лицу, а в глазах читалось не просто уважение, а глубокое, завораживающее восхищение моей увлеченностью книжками.

Я так засмотрелась на живописный вид каньона, открывшийся за очередным поворотом, что совершенно перестала смотреть под ноги.

Моя туфля скользнула по влажному, покрытому мхом валуну. Нога резко подвернулась в лодыжке.

– Ах! – вскрикнула от острой, пронизывающей боли и полетела вниз.

Но упасть на камни мне не дали.

Саид повернулся молниеносно. И его сильные руки подхватили меня за подмышки прямо в воздухе.

Я замерла, вцепившись пальцами в лацканы его куртки. Наши лица оказались в каких-то сантиметрах друг от друга, и я на секунду утонула в его глазах.

– Где болит? – с искренней тревогой спросил он.

– Лодыжка... правая, – выдохнула я.

Саид бережно посадил меня на плоский валун у тропы и опустил перед мной на одно колено. Его большие, тёплые ладони осторожно обхватили мою ступню.

Он расстегнул ремешок замшевой туфли и мягко прикоснулся к опухающей щиколотке. Прикосновение его пальцев удивительно чуткое для такого огромного мужчины, и от этого по моей коже пробежала россыпь мурашек.

– Связки целы, но сильное растяжение, – вынес вердикт Саид, поднимая на меня взгляд. – Наступать нельзя.

– Я... я попробую дойти, – заупрямилась я, опираясь на камень и пытаюсь встать. Но едва правая нога касалась земли, их глаз брызгали слезы от боли. – О-ох...

– Не глупи, Жасмин, – ровно произнес Саид.

Прежде чем я успела возразить или отстраниться, он легко поднялся и одним небрежным, но уверенным движением подхватил меня на руки.

Я охнула и невольно обняла его за шею, чтобы не упасть. Саид прижал меня к себе так легко и непринужденно, словно я весила не больше букета полевых цветов.

– Пусти, я ж тяжелая, – забормотала я, чувствуя, как щеки снова заливают жгучий румянец от близости его тела. Мое сердце колотилось прямо о его грудную клетку.

– Если ты тяжелая, Жасмин, то я тогда горный валун, – сухо пошутил Саид, удобнее перехватывая меня и разворачиваясь в сторону дома. – Сиди тихо и не дергайся, а то упадем оба.

Я умолкла. На утёсе гулял холодный ветер, но мне тепло. Впервые в жизни я ощутила себя не обузой, не бесправной вещью, а женщиной, которую бережно несут на руках через все бури этого мира.

Мы шли так молча. Я слышала лишь его спокойное дыхание и мягкий хруст гальки под его шагами. Ветер трепал мои волосы, и один из выбившихся локонов касался его шеи, но Саид, казалось, не замечал ничего, кроме дороги.

Когда мы вошли в дом, он не стал спускать меня в кресло, а отнёс в комнату и бережно опустил на прохладное покрывало кровати. Его руки задержались на долю секунды дольше, чем требовалось, прежде чем он выпрямился.

– Не двигайся, – сказал он глухо, – я принесу лёд.

Я смотрела, как он выходит из комнаты – широкий, неразгаданный, чужой мне мужчина. И в груди разрасталось что-то горячее и вместе с тем до дрожи опасное.

Всевышний, что со мной творится?!

Саид возвращался.

Едва услышав его шаги, я наперекор боли приподнялась на локтях.

Он подошел, наклонился. И я импульсивно, не давая себе времени на раздумья, потянулась вверх и прижалась к его губам своими.

Из его рук выпал свёрток со льдом и глухо стукнулся о половицы, но он не отшатнулся. Напротив – рухнул рядом, и его ладонь легла мне на поясницу, тяжёлая и горячая.

Я разомкнула губы, выдохнула и отстранилась, сама испуганная своей дерзостью. Щёки мои горели.

– Прости, – выпалила я, пряча глаза. – Ты... тебе наверняка неприятно, что тебя целует такая некрасивая девушка. Забудь, это всё боль и слабость. Я не должна так глупо себя вести, просто...

Я замолчала, потому что слова стали путаться в горле, а на глаза наворачивались обидные горячие слёзы. Злость на саму себя душила. Как я могла быть такой глупой? Он спас меня, принёс домой, собирался обработать ногу – а я набросилась на него, как... как последняя...

– Жасмин.

Я подняла взгляд, боясь увидеть в его глазах насмешку или отвращение. Но вместо этого он взял моё лицо в свои ладони и чуть приподнял его, заставляя смотреть прямо на него.

– Ты красивая, – сказал он.

– Не-ет, я же знаю... Даже папа...

– Ты красивая, – повторил он, твёрдо и веско, как человек, который не привык повторять дважды. – И сейчас я докажу тебе, что это правда.

Он легко коснулся большим пальцем моей щеки – туда, где от недавних слёз боли осталась лишь мокрая дорожка, – и очертил скулу, спустился к уголку губ. От этого простого прикосновения по моему телу пробежала дрожь.

Затем Саид велел мне лечь и я, дико смущаясь, выполнила приказ. Его пальцы обхватили мою распухшую лодыжку, он склонился и поцеловал тонкую кожу у косточки, осторожно, почти благоговейно.

Меня будто током ударило.

Я не знала, куда деть руки. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а затем пустилось вскачь, как безумное. Я вцепилась пальцами в покрывало, сминая ткань, боясь вздохнуть слишком громко.

Затем выше – по щиколотке, вдоль икры, он поднялся с поцелуем туда, где начинался подол юбки.

Моё дыхание сбивалось с каждым его движением, комната качалась перед глазами.

Я боялась, что потеряю сознание от этого наваждения. Чувствовала, как под его поцелуями мои колени подгибаются, как по телу разливается тягучий, обжигающий жар.

Никогда в жизни никто не смотрел на меня так. Никогда в жизни меня не касались с таким благоговением, словно я была чем-то святым, а не просто чересчур худой девушкой в очках.

Губы Саида поднимались всё выше, а его ладони скользили по моим бёдрам, задирая лёгкую ткань платья. Я видела, как тяжело вздымается его грудь, как он держит себя в узде – и от этого понимания внутри меня разгоралось что-то древнее и бесстыдное.

Я выдохнула его имя – не то шёпотом, не то стоном:

– Саид...

Он поднял на меня взгляд – тёмный, затягивающий, голодный – и, прежде чем поцеловать внутреннюю сторону бедра, проговорил:

– Скажи, что хочешь остановить меня сейчас, или я уже не смогу остановиться сам...

Глава 7

Я прикусила губу, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Слова застряли где-то в горле, вязкие и тяжёлые.

Саид понял меня по-своему. Его ладони легли на мои колени, мягко раздвигая их.

Его пальцы скользнули по внутренней стороне бедра, и от этого прикосновения по моей коже пробежала огненная дорожка, оставляя за собой россыпь мурашек.

И вдруг меня словно ледяной водой окатило.

– Нет! – выкрикнула я, отдёргивая и прижимая подол платья к коленям. Голос сорвался, и я сжалась, отодвигаясь от него к изголовью кровати. – Нет, не надо... не смотри на меня так, не делай этого!

Саид замер, непонимающе глядя на меня. В его глазах мелькнуло что-то среднее между удивлением и беспокойством:

– Жасмин, что случилось?

– Я не могу, – выдохнула я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. – Ты делаешь это из жалости. Потому что чувствуешь себя обязанным. Я понимаю, ты мужчина, тебе всё равно, кого целовать, лишь бы кто был под рукой... Но я... видела себя в зеркале! Знаю, как выгляжу!

Я зажмурилась, и слёзы всё-таки потекли по щекам. Хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться...

Что я делаю? Зачем вообще позволила ему зайти так далеко? Я должна была остановить его сразу, как только он опустился на колени!

– Жасмин.

Его голос стал твёрже, но я не открывала глаз.

– Посмотри на меня. Быстро!

Я мотнула головой, вцепившись в покрывало так, что пальцы заболели.

– Нет! Ты ничего не понимаешь, Саид! Ты привык к красивым женщинам, а я гадкий утёнок. У меня ужасный нос, – всхлипнула я, – и вся я какая-то... неуклюжая, слишком высокая и худая. Я всю жизнь слышала это! Я знаю, какая я!

Я открыла глаза, ощущая, как по щекам текут горячие слёзы, и впервые посмотрела ему прямо в лицо, выплёскивая всю боль, которую носила в себе годами:

– Я некрасивая, Саид. Самая настоящая уродина. И ты делаешь это только потому, что чувствуешь себя обязанным! Потому что украл меня... Как ты вообще можешь смотреть на меня и хотеть хоть чего-то?! Ка-ак, а? Ты просто добрый, да? И жалеешь меня!

– Выговорились? – поинтересовался он.

Я отвернулась, пряча лицо в ладонях, и всхлипнула:

– Не надо делать вид, что я красивая, и ты хочешь меня. Я знаю правду. Я слишком долго жила с этой правдой, чтобы поверить в сказку. Отвези меня в город, и разойдемся, как в море корабли.

Сильные ладони легли на мои запястья и мягко, но непреклонно отвели руки от лица.

Я вскинула голову, собираясь возразить, но замерла – его лицо совсем близко, а взгляд... такой, от которого перехватывало дыхание. Тёмный, глубокий, без капли жалости.

– А теперь слушай меня внимательно, Жасмин, – сказал он. – Никто больше не посмеет называть тебя уродиней. Никто, даже ты сама. Я не знаю, кто заставил тебя поверить в эту чушь, но они ошибались.

Я попыталась отстраниться, отвернуться, но он держал меня крепко.

– Отпусти... – прошептала я.

– Нет, – коротко ответил он. – Ты сейчас успокоишься и послушаешь меня. А потом я докажу тебе, что ты неправa.

– Ты мужчина. Вам всё равно! Вам лишь бы...

– Замолчи!

Он сказал это не зло, а твёрдо, и я вдруг поняла, что не могу больше вымолвить ни слова.

Саид взял моё лицо в ладони, вытирая большими пальцами слёзы с моих щёк, и посмотрел мне прямо в глаза:

– Ты носишь в себе такую красоту, что она выплёскивается наружу, даже когда ты этого не хочешь. Твои глаза – как горные озёра, глубокие и чистые, они отражают всю силу твоей души, и я тону в них каждый раз, когда смотрю. А твоя улыбка, Жасмин... она как рассвет над вершинами – редкая, но ослепительная, способная растопить даже ледяные пики. Ты не уродина, ты – огонь, скрытый в скалах. Твоя кожа сияет, как снег под солнцем, твои губы, как спелые ягоды. Никто не сравнится с тобой, и я докажу это не словами, а делом.

Я шмыгнула носом, чувствуя, как стыд смешивается с чем-то тёплым, что разгорается в груди:

– Ты просто хочешь быть добрым... – прошептала жалобно и неубедительно.

– Я никогда не бываю добрым из вежливости, – отрезал он. – И я никогда не говорю женщинам того, чего не думаю. Если я говорю, что ты красивая, значит, это так.

Он вдруг легко толкнул меня в плечи, заставляя опрокинуться на спину подушки. Я вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли, – но он уже нависал надо мной. Его тёплые ладони легли по обе стороны от моего лица, и он заглянул мне в глаза так, что дыхание перехватило.

– Когда ты будешь сомневаться, я буду доказывать тебе это снова и снова, – сказал он, и в его голосе появилась хрипотца, от которой по всему моему телу прошёлся жар. – Каждый раз, когда ты будешь говорить мне, что ты некрасивая, я буду показывать тебе, что это неправда.

Я замерла, не зная, что сказать. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего, я почувствовала его дыхание на своих губах.

– А если всё равно не поверю? – выдавила шёпотом.

Он усмехнулся мягко, почти нежно:

– Тогда у нас будет очень много времени, чтобы я мог тебя переубедить.

Его ладонь легла на мою щёку, большая и тёплая, и я, сама не замечая как, подалась ей навстречу.

– Скажи это, – попросила вдруг. – Скажи ещё раз.

– Ты красивая, Жасмин, – произнёс он медленно, глядя мне в глаза. – Самая красивая девушка, которую я видел.

И, наклонившись, он поцеловал меня так, что весь мир исчез, а в груди развернулось что-то огромное и светлое – и я наконец позволила себе поверить.

Он накрыл губами нежную кожу внутренней стороны бедра, и я запрокинула голову, прикусив костяшку пальца, чтобы не застонать вслух.

– Смотри на меня, Жасмин.

Его голос – низкий, хриплый, командный – пробился сквозь туман острого незнакомого желания.

Я опустила взгляд и встретила с его глазами. В них стояла глубокая тьма – жаркая и всепоглощающая.

Саид сохранял зрительный контакт, когда поцеловал меня там, где я никогда не смела даже представить мужских губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.